

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-2-71-81

ТРАВМА РАСКАЗАЧИВАНИЯ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Н. Н. Самсонова

Самсонова Наталья Николаевна, аспирант, кафедра истории и теории политики, факультет политологии,

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2716-8490).

Аннотация

Рассматриваются особенности отражения травматического события в коллективной памяти этнокультурных общностей на примере последствий большевистской политики рассказывания. Концептуальными основаниями исследования выступают психоаналитический и культурно-социологический подходы к изучению исторических травм как социального феномена, объединённые положением об воспоминании (в том числе коллективном) о негативном опыте как источнике травмирующего эффекта. Эмпирическая составляющая статьи основана на материалах виртуальных сообществ, посвящённых истории, культуре и возрождению казачества. Первый этап исследования посвящён изучению с применением частотного контент-анализа основных элементов существующего травматического нарратива рассказывания (с опорой на модель Дж. Александра). Установлено, что травматический нарратив казачества строится на признании факта преднамеренного насилия в адрес исключительной группы (системной государственной политике рассказывания). На сегодняшний день рассказывание воспринимается как незавершённый процесс, принимающий форму ассимиляции и огосударствления. Такой дискурс оставляет пространство для ретравматизации, возникает риск инструментализации травмы в политических целях. На втором этапе исследования с использованием качественного ненаправленного контент-анализа эмпирического массива определяются основные аспекты травматической трансформации коллективной идентичности этнокультурного сообщества. В статье фиксируется наличие внутренних расколов, указывающее на кризис идентификации коллективного субъекта, что приводит к активизации патологических механизмов социальных защит: функционирование общества осуществляется на основе ригидной картины мира с категоричными оценочными суждениями, построенными на конфликтогенной схеме «свой-чужой», а травмирующее событие становится самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности взамен утраченной и опосредует конструирование интерпретаций исторического прошлого. Автор приходит к выводу, что тенденция способна усилить сепарацию травмированной этнокультурной группы от сообщества в целом.

Ключевые слова: историческая травма; коллективная травма; психоанализ; коллективная память; травма культурно-этнических общностей; рассказывание; избранная травма.

Введение

В современном научном сообществе существует два ключевых подхода к изучению коллективных травм: психоаналитический и культурно-социологический. В психоаналитической парадигме травма рассматривается как деструктивное проявление памяти, нарушение мнемонического механизма, выраженное в неспособности разграничить актуальное и прошлое состояние носителя травмы. Оно обусловлено неспособностью травмированной общности к осмыслению пережитого негативного опыта и его интеграции в целостный нарратив представлений о себе в результате т.н. «кризиса свидетельствования», обусловленного как защитными психологическими механизмами, так и совокупностью определённых политических практик (замалчивание, табуирование) (Анкерсмит, 2007; LaCapra, 1999; Felman, Laub, 1994). В рамках культурно-социологического подхода под травмой понимается не только ментальный процесс, но и социальный конструкт, ключевую роль в создании которого иг-

рает медиация и производимая реконструкция травматического опыта, опосредованная историческим, культурным и институциональным окружением, в котором осуществляется речевой акт (репрезентация травмы) (Александр, 2012; Eyerman, 2013; Sztompka, 2000). Унифицирующей предпосылкой обоих подходов выступает понимание того, что проблема работы с травматическим эффектом – это проблема воспоминаний (в том числе коллективных) о нём. В основе коллективной исторической травмы как «рассогласования между испытываемым коллективным переживанием исторического события и его последствий, с одной стороны, и сконструированной репрезентацией данного переживания, возникшей в результате либо отсутствия условий для его артикуляции, либо некорректной расшифровки (интерпретации) данного переживания» (Самсонова, 74–75), лежит вынужденное изменение коллективной идентичности и потребность в переработке коллективной памяти с последующим формированием устойчивой посттравматической репрезентации. При этом обязательным условием проработки травмирующего прошлого выступает наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией.

XX в., описанный множеством историков как век потрясений, для российского общества характеризуется радикальными трансформациями государственного устройства, социальной иерархии и системы ценностей. Когда период советской государственности завершился, он оставил непроработанными травматические последствия гражданской войны, красного террора, раскулачивания, коллективизации, политических репрессий. В статье «Быть сильными: гарантии безопасности России» В. В. Путин отмечает, что «после революции 1917 г. казачество было подвергнуто жесточайшим репрессиям, по сути – геноциду»¹; соответственно, задача современного государства состоит в помощи казакам в сохранении их культуры и традиций.

Отечественными учёными подчёркивается существующий плюрализм интерпретаций исторических событий и собственно термина «рассказывание» («этническое рассказывание», «сословное рассказывание», «внутрисословное рассказывание», «саморассказывание», «раскулачивание») (Кислицын, 1994; Чернопицкий, 1996). Можно выделить два основных подхода к пониманию рассказывания: как к политике, имеющей классовые основания (Чернопицкий, 1996), и как к процессу с ярко выраженной антиэтнической направленностью (Кислицын, 1994).

Исследователи отмечают, что одним из затруднений на пути возрождения казачества в современной России выступает плюрализм подходов самих казачьих сообществ в определении дальнейшего вектора развития: от фокуса на культурной самобытности и сохранении исторического наследия в конструктивном сотрудничестве с властью до сохраняющегося в тех или иных формах партикуляризма казачьего движения (Рвачёва, 2010: 144), что проявляется, в частности, в идеях национально-государственного самоопределения казачества. Последнее, как полагает О.В. Рвачёва, в определённой степени обусловливается принятым в 1991 г. Законом «О реабилитации репрессированных народов», закрепившим за казаками статус репрессированной культурно-этнической общности с соответствующими правами на территориальную реабилитацию (возвращение территорий традиционного проживания для создания т.н. «казачьих республик»). (Рвачёва, 2010). Прослеживаемая с 1995 г. тенденция к «огосударствлению», или же «институционализации» казачества, выраженная в создании системы контроля над казачьим движением со стороны государства (Рвачёва, 2010: 145), с одной стороны, способствовала интеграции казачества в жизнь российского общества и аккумуляции его потенциала в решении задач государственной безопасности, с другой же стороны – привела к усугублению порождённого репрессиями советского периода травматического кризиса идентичности казачества, что на современном этапе выразилось в возникновении противоречий между т.н. реестровым казачеством (преемником царского казачества как военно-служилого сословия) и казаков, находящихся вне официальных структур казачьих сообществ и позиционирующих себя как носителей отличительных этнокультурных черт.

Целью данного исследования выступает системное представление особенностей отражения травматического события в коллективной памяти этнокультурных общностей на примере последствий большевистской политики рассказывания посредством: (1) анализа основных элементов травматического нарратива этнокультурного сообщества; (2) изучения особенностей трансформации коллективной идентичности в результате травматизации; (3) выявления моделей обращения с травмирующим прошлым, характерных для изучаемого этнокультурного сообщества, и факторов, опосредующих течение мнемотических процессов.

¹ Путин, В. В. *Быть сильными*. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html> (дата обращения: 22.09.2022).

Методология и методы исследования

Для реализации цели исследования был выбран метод контент-анализа. Эмпирическую базу исследования составили материалы 30 виртуальных сообществ, посвящённых истории, культуре и современному развитию казачества, опубликованные за период с 1 января 2016 по 1 июня 2022 гг.¹.

Выбор эмпирической базы исследования обусловлен тем, что в условиях массовой «дигитализации» памяти особый пласт формирования травматических репрезентаций представляют собой т.н. «виртуальные площадки». Благодаря дигитализации памяти, на смену институционализированной коллективной памяти приходит множественная, диалогическая память, открытая для трактовок и интерпретаций, что создаёт предпосылки для использования в работе с травмой модели диалогического памятования, построенной на совместном производстве исторического знания об общей истории и взаимном признании и совместимости картин исторического прошлого.

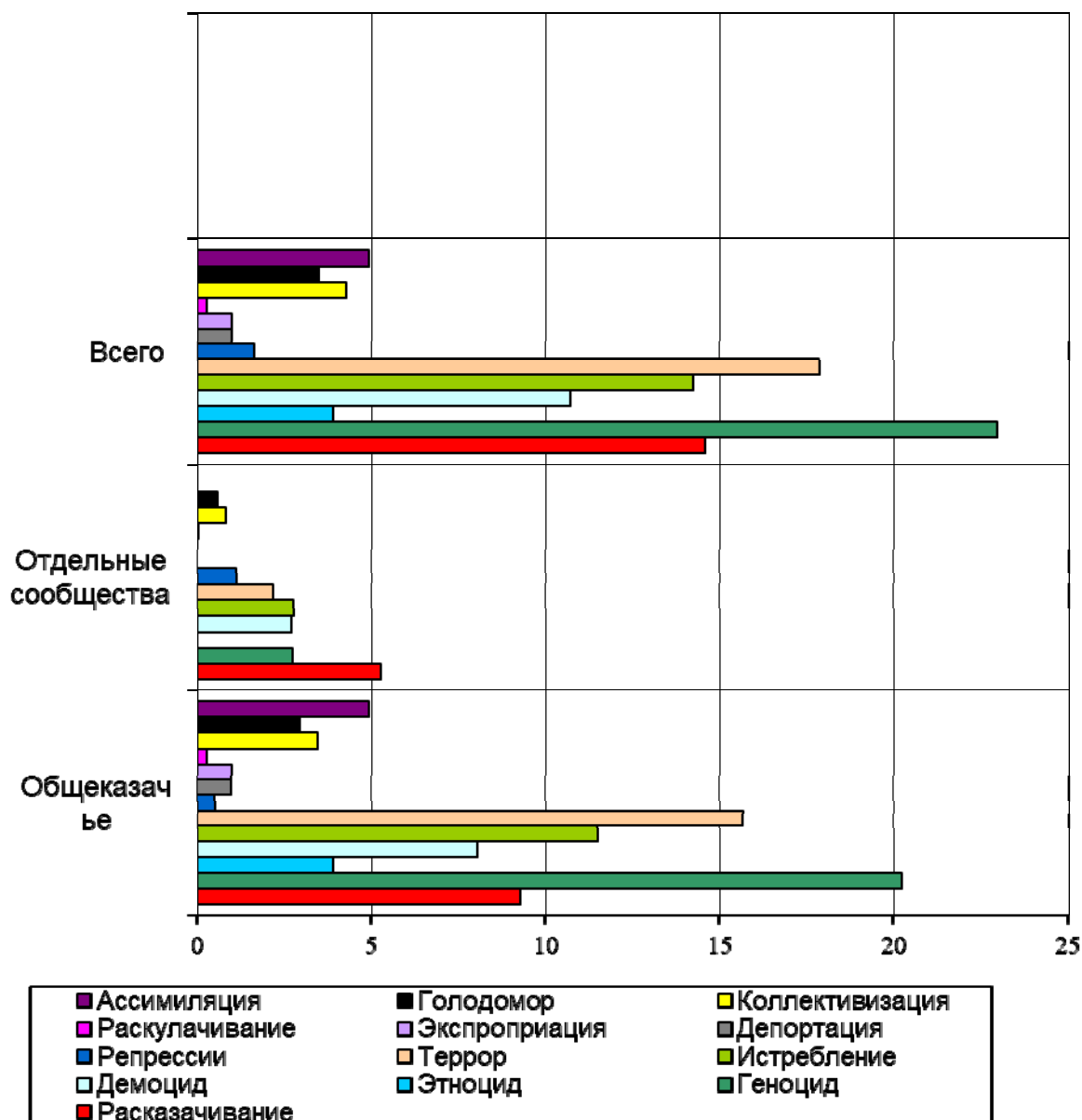
Первый этап исследования посвящён изучению с применением частотного контент-анализа основных элементов существующего травматического нарратива рассказывания (с опорой на модель Дж. Александера). На втором этапе исследования с использованием качественного ненаправленного контент-анализа эмпирического массива определяются основные аспекты травматической трансформации коллективной идентичности этнокультурного сообщества, даётся оценка наиболее часто артикулируемых в информационном пространстве проблем; рассмотрены особенности трансформации коллективной идентичности в результате травматизации; выявлены модели обращения с травмирующим прошлым и дан анализ факторов, опосредующих течение мнемотических процессов.

Основные элементы травматического нарратива рассказывания

Описывая механизм формирования «господствующего травматического нарратива», Дж. Александер выделяет четыре базовых *элемента*: (1) определение источника боли (характер события, произошедшего с отдельной группой и более крупным сообществом, частью которого она является); (2) определение природы жертвы (пострадала ли травмированная группа в силу того, что её члены выступали носителями определённых специфических признаков?); (3) распределение ответственности (установление или назначение личности преступника); (4) связь носителей с более широкой аудиторией (Александер, 2012: 20).

Для выявления специфики отдельных элементов травматического нарратива казачества был проведён частотный контент-анализ эмпирического массива. Для определения элементов 1 и 2 были проанализированы ключевые характеристики травматических событий и их последствий. Единицами подсчёта выступили 13 описательных характеристик (рисунок). В результате анализа 24 118 отобранных сообщений, относящихся к травме казачества и содержащих в себе всего 26 437 характеристик, было установлено, что наиболее распространёнными оказались следующие описания: «геноцид» (22,5%), «репрессии» (17,84%), «рассказывание» (14,55%), «террор» (14,23%), «истребление» (10,71%). Таким образом, нарратив травмы казачества строится в большей степени на убеждении в фактах преднамеренного насилия в адрес отдельной исключительной группы, нежели в том, что данная группа пострадала как часть наиболее крупного сообщества, наравне с другими его представителями (в ходе гражданской войны). Необходимо отметить, что внутри казачества фактически отсутствует разделение по региональному признаку. Упоминания о рассказывании как об *общеказачьем горе* встречаются значительно чаще (81,88% от общего числа упоминаний), нежели упоминания о жертвах среди отдельных групп казачества (донского (7,06%), кубанского (3,76%), крымского (0,89%), терского (5,35%), сибирского (0,93%) и иных групп (например, «казаки-калмыки» – 0,13%).

¹ Казаки. Российское Казачество», «Казаки & Казачество», «Скифия», «Донской телеграф», «Кубанский кизяк (казачество, Кубань, казаки)», «Казакия», «Казаки. Казачество История», «Воронежское отдельное казачье общество ВКО ЦКВ», «Возрождённое Казачество Руси», «Стрелы Сары-Азмана», «Переславское казачество», «Донские казаки», «Казачий рубеж», «Казаки-единомышленники», «Крымское казачество», «Православное казачество», «Астраханское казачество», «Казаки Воронежской области», «Казачий присуд», «Добринское казачество», «Казачья служба», «Симбирско-ульяновское казачество», «Белогвардейцы. Донское казачество. Всевеликое», «Казачество на службу Отечеству», «Донское казачество», «Казачество, казаки», «Пермское казачество», «Донские казаки и казачки: прославляем казачество», «Казачество», «Казачье братство online».

Результаты количественного анализа в категориях «Определение источника боли и природа жертвы», %

Изучение элемента 3 травматического нарратива (распределение ответственности) требует разъяснения ряда позиций. Воспринимаются ли потери, понесённые казачеством, как действия отдельных лиц или как политика целого государства? Идёт ли речь о персональной или коллективной ответственности? Достаточно ли усилий прилагает современное государство, или же оно лишь усугубляет негативные последствия пережитого?

С этой целью был вновь применён метод количественного частотного контент-анализа. Для категории «персональная ответственность» в качестве индикаторов были использованы фамилии партийных функционеров, с которыми традиционно связывают основные волны расказачивания. Категория «коллективная ответственность» была разделена на две группы по хронологическому принципу: советский период и современный период. В рамках первой группы было выделено 4 подгруппы: 1) политические силы (индикаторы: «большевистская партия», «большевики», «РСДРП (б)», «коммунистическая партия», «коммунисты» и т.д.), 2) вооружённые силы (индикаторы: «Красная Армия», «красногвардейцы», «красные»), государственные органы (индикаторы: «НКВД», «Донбюро», иные наименования), советское государство (индикаторы: «СССР», «Советы», «советская власть» и т.д.), представители казачества (индикаторы: «советское казачество», «красное казачество» и т.д.). Индикаторы второй группы: «современная власть», «современное государство», «правительство» и т.д.

Результаты контент-анализа категории «Распределение ответственности», %

Персональная ответственность			Коллективная ответственность		
Персоналии	Всего		Подгруппа	Всего	
	Доля от группы	Доля от общего числа		Доля от группы	Доля от общего числа
С.М. Киров	2,68	0,71	Советское государство	48,14	35,35
Г.К. Орджоникидзе	12,03	3,2	Вооруженные силы	14,5	10,65
Я.М. Свердлов	10,73	2,85	Гос. органы	15,58	11,44
Н.А. Френкель	1,39	0,37	Советское казачество	5,9	4,33
И.Э. Якир	1,2	0,32	Современное государство	15,88	11,66
И.И. Вацетис	1,83	0,49	Всего	73,43	
Л.Д. Троцкий	10,45	2,78			
Г.Г. Ягода	1,14	0,3			
Н.И. Ежов	7,3	1,94			
В.И. Ленин	32,22	8,56			
И.В. Сталин	19,03	5,05			
Всего	26,57				

Результаты исследования (табл. 1) позволили установить, что потери, понесённые казачеством, воспринимаются скорее как результат системной государственной политики (73,43%), нежели зона персональной ответственности отдельных политических деятелей (26,57%). Сообщения, возлагающие на современное государство ответственность за травму казачества, составили 11,66% от общего числа, что указывает на высокий риск инструментализации травмы (например, использование её несистемными политическими акторами). Так, несистемная оппозиционная «Партия Народной Свободы» регулярно обращалась к травматической теме казачества, в своей риторике подчёркивая существование правовой коллизии между законом «О реабилитации репрессированных народов», в котором казачество описывается как этнос, и более поздними нормативными актами, где этнический подход сменяется на функциональный. В «Заявлении к столетию геноцида казачества» также содержится критика современной власти за «уничтожение казачьего народа методами обезличивания, очернения и лжи», «глумление над истинными казачьими ценностями»¹. В сферу распределения вины за переживаемую казачьим народом травму включается и современное государство.

Оценка 4 элемента травматического нарратива модели Дж. Александера (связь носителей травмы с периферийной аудиторией) даётся на следующем этапе исследования.

Влияние травмы казачества на коллективную идентичность

Говоря об уяснении природы травматической боли, П. Штомпка в числе основных симптомов выделяет кризис идентичности в результате резкой трансформации ценностных компонентов культуры (Sztompka, 2000). О схожих чертах коллективной травмы пишет и Р. Айерман: суть травматического эффекта заключается в эрозии оснований культурной идентичности (Айерман, 2013: 125). Вместе с тем, как отмечает Д.А. Аникин, обладая значительным консолидирующим потенциалом, травма конструирует определённую интерпретацию исторического прошлого (Аникин, 2020), а само травмирующее событие может стать самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности.

¹ Бюро Федерального политсовета Партии народной свободы (ПАРНАС). *Заявление ПАРНАС к столетию геноцида казачества*. URL: <https://www.parnasparty.ru/news/49> (дата обращения: 22.09.2022).

Для изучения процесса трансформации идентичности казачества был проведён качественный контент-анализ эмпирического материала. В результате декомпозиции текстового массива было выделено и структурировано 24 118 единиц анализа.

Таблица 2

Содержание структурного массива

Содержательно установочный уровень (А)						
Историческая травма казачества как культурно-этнической общности						
Тематический уровень						
(В1) Организация памяти о жертвах расказачивания		(В2) Восстановление исторической справедливости		(В3) Возрождение казачества		
Проблемный уровень (С)						
(С1)	(С2)	(С3)	(С4)	(С5)	(С6)	(С7)
Организация памяти о жертвах расказачивания	Репрезентация трагедии казачества в образовательном дискурсе	Наследие большевистской власти	Проблема признания расказачивания	Раскол казачества на «красное» и «белое»	Институционализация казачества	Проблема этнического самоопределения казачества
Целевой уровень (D)						
Локальный характер памятования	Асимметрия освещения трагедии казачества	Маркеры советского прошлого как факторы фрустрации для казачества	Репрессии против казачества как незавершенный процесс, протекающий в форме ассимиляции	Конфликт памяти потомков красного и белого казачества	Восприятие реестрового казачества как искусственно созданной конструкции	Право казачества на этническую самоидентификацию как важнейший способ преодоления последствий репрессивных действий в отношении казачества как народа
Атрибутивный уровень (Е)						
Осложнение выстраивания связи между носителями переживания и массовой аудиторией-реципиентом	Осмысление реалий в контексте травматического прошлого реалии настоящего переосмысляются в контексте травматического прошлого	Риск переноса ответственности за травму казачества на современное государство	Внутренние расколы как фактор, осложняющий выстраивание идентичности современного казачества	Принадлежность к реестровому казачеству и этническому казачеству – разные элементы идентичности, которые могут вступать в конфликт	Признание казаков народом тождественно признанию «геноцида казачества»; если же казаки не являются самостоятельным народом – они пострадали от гражданской войны и репрессий в равной степени с другими общностями	

На содержательно-установочном уровне изученные сообщения обращены к проблеме коллективной травмы казачества как уникальной этнокультурной общности. Основные темы информационного массива: организация памяти о жертвах расказачивания (В1), восстановление исторической справедливости (В2), возрождение казачества (В3).

На проблемном уровне внутри темы В1 определены следующие подтемы: организация коммеморативных мероприятий (С1), память о жертвах расказачивания в образовательной среде (С2).

На целевом уровне дана следующая оценка перечисленных подтем. Внутри локальных сообществ сформированы устойчивые модели временной и пространственной локализации травматических событий, определены памятные даты травматических годовщин как для сообщества в целом

(24 января – день памяти жертв расказачивания), так и для отдельных его групп (27 марта – памятная дата жертв терского казачества). Кроме того, представители казачества символически присоединяются к потомкам жертв политических репрессий советского периода в официально установленный День памяти жертв политических репрессий (30 октября). Приёмы коммеморации весьма разнообразны: от религиозных ритуалов до научных конференций, что указывает на вовлечение в коммеморативные практики широкого круга лиц. Необходимо констатировать разногласия в наименовании региональных памятных дат: так, в подавляющем большинстве изученных сообщений главная дата коммеморации, 24 января, именуется «днем геноцида казачества», на официальном же сайте ВКО «Всеволокое войско донское» дата означает как «День поминовения казаков и казачек Войска донского». Организация памяти о жертвах расказачивания в образовательной сфере также носит преимущественно локальный характер.

На атрибутивном уровне присутствуют следующие характеристики перечисленных аспектов темы: сохранение несогласованности в наименовании памятных дат свидетельствует о существовании различных интерпретаций событий травматического прошлого казачества, асимметрия освещения расказачивания в образовательном процессе не способствует выстраиванию связи между носителями травматического переживания и массовой аудиторией-реципиентом.

На проблемном уровне темы В2 выделены следующие аспекты: проблема наследия большевистской власти (С3), проблема признания расказачивания на государственном уровне (С4).

На деятельностном уровне по материалам изученных публикаций дана следующая оценка перечисленных проблем: с начала 1990-х гг. активистами казачьего движения ведётся разрозненная, но непрерывная деятельность по восстановлению исторической справедливости в отношении казачества, принимающая характер символической борьбы. Процесс восстановления исторической правды о казачестве включает в себя два основных компонента: первый компонент – возрождение исторических традиций и реконструкция позитивного героического образа казака как самобытного носителя традиций служения Отечеству (возрождение таких социокультурных институтов, как казачий круг, атаманство) и дань трагической памяти казачества (публичное признание потерь во время гражданской войны и политических репрессий). Второй компонент включает в себя плохо структурированную работу по десоветизации казачьего мира: борьба с советскими топонимами (переименование проспекта Подтёлкова в Платовский в Новочеркасске, акции станичного казачьего общества «Станица Казанская», пикеты по переименованию Свердловской области, инициативы донского казачества по переименованию улиц Свердлова, Шаумяна, Войкова, Атарбекова, Кировского проспекта, Халтуринского переулка в Ростове-на-Дону и т.д.), открытое выражение неприятия политических акторов, аффилированных с коммунистической идеологией (например, инициатива «Красному террору нет!», обращение к КПРФ как историческому правопреемнику ленинской РКП (б) с требованием покаяться за политику расказачивания и «красного террора»). В подавляющем большинстве критических высказываний расказачивание характеризуется как дрящущий процесс, принявший латентные формы ассимиляции, метисации казачьего народа. Окончание расказачивания в изученных материалах связывается с практическими мерами по устранению негативных последствий: восстановление и развитие исторической и традиционной формы местного национального самоуправления казачьего народа (станиц), признание казаков коренным народом России.

На атрибутивном уровне даны характеристики, составляющие содержание совокупности проблем темы В2. Присутствие в публичном пространстве маркеров советского прошлого является фактором фрустрации для представителей казачества, что позволяет говорить об укорененности травматического опыта в коллективной памяти сообщества.

На проблемном уровне темы В3 определены следующие проблемы: последствия раскола красного и белого казачества (С5), противоречия институционализации («огосударствления») казачества (С6), этническая самоидентификация казачества (С7).

На целевом уровне состояние отмеченных проблем внутри темы В3 оценивается следующим образом. «Возрождение казачества» является незавершённым процессом. Обязательным условием организации полноценной проработки травмирующего прошлого является наличие сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. Конструирование идентичности сообщества осложняется тем, что травма казачества, как и практически любая травма, инициирующим событием которой выступают насильственные революционные преобразования, имеет бинарный характер. С одной стороны, это, безусловно, «травма жертвы», при которой пассивность переживания переходит в страдательность; с другой стороны, это ещё и описанная Б. Гизеном «травма преступника» (Giesen, 2004), возникшая в результате разделения казачества на «красное» и «белое». Проведённый

анализ информационного массива позволяет отметить существующее противопоставление этнических казаков и современного реестрового казачества, критически рассматриваемого как инструмент ассимиляции казачьего народа. Кроме того, анализ критических высказываний обнаруживает иные внутренние конфликты: межпоколенческий (критика неудавшихся проектов возрождения казачества, осуществлявшихся «старшими соплеменниками») и конфликт поведенческих стратегий: критика казаков, поддерживающих различные проявления мультикультурализма и ассимиляции: например, вступающих в т.н. «смешанные браки». Право казачества на этническую самоидентификацию наравне с другими народами, составляющими население России, рассматривается как один из важнейших способов преодоления последствий расказачивания.

На атрибутивном уровне можно выделить следующие характеристики темы «возрождение казачества». В целом, процессы институционализации казачества можно оценивать положительно. Периферийная аудитория способна символически разделить переживание трагических событий, только если его жертвы будут представлены в терминах, описывающих ценные качества, разделяемые масштабной коллективной идентичностью. Привлечение казачества к решению задач национальной безопасности коррелирует с установившимся в общественном сознании представлением о казаках как о защитниках Отечества, способствует формированию позитивного образа казачества и стимулирует рост общественного интереса к его истории, в том числе, к её трагическим страницам. С другой стороны, нельзя не согласиться с позицией О.В. Рвачёвой: огосударствление казачьих структур сопряжено как с рисками их дистанцирования от остального населения регионов их проживания в силу специфики внутренних интересов (Рвачёва, 2010: 147), так и с обострением конфликтного потенциала раскола этнического и реестрового казачества. Несмотря на существующие тенденции интеграции казачества в жизнь российского общества в целом, сохраняются риски сплочения этнокультурной общности по потенциально конфликтной модели «свой – чужой» (представители травмированной группы ориентированы не на поиск точек соприкосновения с внешней средой, а на самоизоляцию, а вина за негативный опыт возлагается на все чуждые группы).

Заключение

Опираясь на результаты исследования, можно сделать следующие выводы об особенностях отражения травматического события в коллективной памяти культурно-этнических общностей на примере последствий большевистской политики расказачивания.

1. Анализ основных элементов травматического нарратива казачества показал, что последний строится на признании факта преднамеренного насилия в адрес исключительной группы; несогласия с тезисом, что казаки пострадали так же, как и всё население бывшей Российской империи в ходе гражданской войны; потери, понесённые казачеством, расцениваются как результат системной государственной политики, при этом расказачивание воспринимается как незавершенный процесс, принимающий форму ассимиляции и огосударствления.

2. В результате анализа информационного массива были выделены следующие особенности трансформации коллективной идентичности казачества:

1) наличие внутренних расколов, указывающее на сохраняющийся кризис идентификации коллективного субъекта (конфликт поколений; историческое разделение казачества на «красное» и «белое»; характерный для этнокультурных групп, включенных в плюралистические общества, конфликт поведенческих стратегий (сторонники интеграции и критики «ассимиляции»), противопоставление «этнических казаков» и «реестрового казачества»);

2) проблема «временного лага». Реконструируемое общее прошлое восходит к опыту, однако воспоминания о нём опосредуются нарративами, трансформирующимися вместе с рамками памяти. В случае рассмотренной межпоколенческой передачи травмы потомки непосредственных участников трагических событий, повлекших за собой эрозию идентичности сообщества, сталкиваются с необходимостью «поиска самости», опорных точек идентификации. Обращаясь к историческим и художественным свидетельствам, они обнаруживают там следы былого величия сообщества, однако, не могут в полной мере отыскать им подтверждения в настоящем. Понятие новой казачьей идентичности формируется под влиянием поколения, для которого расказачивание – это переживание давнего прошлого, а не настоящего (Еуегман, 2013); поколения, которые ориентируются, используя терминологию Д. ЛаКапры, не столько на «историческую утрату» (“loss”), сколько на «структурное отсутствие» (“absence”), абстрактный идеал, сформированный под влиянием репрезентаций (LaCapra, 1999: 706);

3) специфика выстраивания отношений с внешней средой для этнокультурной группы заключается в том, что речь идёт не просто о заключении мемориально-этического договора между носителями травмы и остальным сообществом, а о совместном производстве исторического знания о пережитой травме, основанном на взаимном признании и совместимости картин истории. В противном случае, велики риски, что реконструкции идентичности группы будут происходить не посредством встраивания себя в сообщество в целом, а за счёт противопоставления ему, особенно за счёт заложенной в отношении любого этнофора и государства потенциально конфликтогенной схемы «свой – чужой».

3. Процессы перенастройки коллективной идентичности казачества как этнокультурной общности опосредуются как совокупностью внешних, социальных факторов, так и психологической составляющей, определяющей в значительной степени специфику проявления травматических симптомов. К внешним факторам можно отнести социокультурный контекст, включающий в себя актуальные потребности общества, частью которого является травмированная группа (например, в Концепции государственной политики РФ по увековечению памяти жертв политических репрессий читаем: «Страна не может стать в полной мере правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий»¹, господствующая система взглядов, наличие или отсутствие условий для артикуляции травматического переживания как в правовом, так и в культурном поле (в частности, обязательная институционализация перехода от травмирующей среды к безопасной: например, переход от диктатуры к демократии, отмена дискриминирующих законов и т.д.). Психологическая составляющая включает в себя такие элементы, как этнический характер, объективизированный в культуре народа, этнический темперамент как совокупность типичных реакций на фрустрирующую ситуацию, и этнические обычаи и традиции, стабилизирующие общественные отношения посредством формирования определённых качеств. (Так, в работе А. Митчерлих «Неспособность скорбеть» описывается корреляция между особенностями социализации детей раннего возраста в кайзеровской Германии с акцентом на суровость и дисциплину и сложностями с институционализированным выражением травматических переживаний последствий Второй мировой войны в немецком обществе в 1940-1960-е гг. (Mitscherlich & Mitscherlich, 1997). Такие духовные детерминанты казачества как православное вероисповедание, в сочетании с веротерпимостью, строгая нравственная дисциплина, патриотичное служение родине оказывают положительное влияние в деле реконструирования казачьей идентичности в созвучие с идентичностью общенациональной. С другой стороны, такие свойства казачьего менталитета, как независимость, стремление к сохранению институтов самоуправления, исторически сформировавшееся чувство социальной привилегированности не способствуют сокращению разрыва между обществом в целом и казачеством как отдельной этнокультурной группой.

5. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы о моделях обращения с травмирующим прошлым исследуемой этнокультурной группы. Используя разработанную Р. Мертоном классификацию способов адаптации к аномии, можно сделать вывод, что внутреннее освоение травмы казачьим сообществом происходит в двух направлениях: конструктивном и пассивном. Конструктивное направление построено на приёме инновации: преднамеренном «культурном творчестве», изменении культурных паттернов этнокультурной группы для адаптации к изменившейся среде (например, возвращение казачества на службу государства в обновлённых формах, поиск новых моделей казачьего самоуправления, совместимых с действующей вертикалью государственной власти). Пассивное направление, напротив, включает в себя модель ритуализма – культивирование традиций как укрытия от травмы (Merton, 2006: 198–227).

Изложенное выше даёт возможность следующим образом описать процесс переформатирования коллективной идентичности казачества как этнокультурной группы под влиянием травмирующего опыта. Наличие внутренних расколов указывает на кризис идентификации коллективного субъекта, который приводит к активизации патологических механизмов социальных защит: функционирование общества осуществляется на основе ригидной картины мира с категоричными оценочными суждениями, построенными на конфликтогенной схеме «свой-чужой». Травмирующее событие же становится самостоятельным фактором формирования новой коллективной идентичности взамен утраченной; травма буквально конструирует определенную интерпретацию исторического прошлого. Подобная тенденция усиливает сепарацию травмированной этнокультурной группы от сообщества. Кроме того, построенный на идее длящейся травмы дискурс оставляет широкое пространство для ре-

¹ Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 15 авг. 2015 г. № 1561-р (в ред. от 26 марта 2019 г.), Собр. законодательства Рос. Федерации № 34. ст. 4930.

травматизации, в частности, посредством использования травмы для легитимации целей несистемными политическими акторами, действующими в направлении разобщения мультикультурного общества. В этой связи важно всестороннее признание травматического опыта казачества и его включение в общегосударственный нарратив, закрепление не только в нормативно-правовых документах, но и в образовательном и научном дискурсе, включение в коммуникативно-значимые материалы.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Конкурс грантов Учёного совета факультета политологии МГУ для студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников».

Список литературы / References

- Александр, Дж. (2012) 'Культурная травма и коллективная идентичность', *Социологический журнал*, 3, сс. 5–40. [Alexander, J. (2012) 'Cultural Trauma and Collective Memory' [Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost'], *Sociologicheskij zhurnal*, 3, pp. 5–40. (In Russ.)].
- Аникин, Д. А. (2020) 'Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса', *Studia Humanitatis*, 4 [электронное издание]. URL: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifika-rossijskogo-diskursa> (дата обращения: 22.09.2022). [Anikin, D. A. (2020) 'Collective Traumas as a Subject of Memory Studies: the Specifics of Russian Discourse' [Kollektivnye travmy kak predmet memory studies: specifika rossijskogo diskursa], *Studia Humanitatis*, 4 [online]. URL: <https://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifika-rossijskogo-diskursa> (Accessed: 22 September 2022). (In Russ.)].
- Анкерсмит, Ф. Р. (2007) *Возвышенный исторический опыт*. Москва: Европа. [Ankersmit, F. R. (2007) *Sublime Historical Experience* [Vozvyshennyj istoricheskij opyt]. Moscow: Europa. (In Russ.)].
- Кислицын, С. А. (1994) «"Расказачивание" – стратегический курс большевистской политической элиты в 20-х гг.» в: *Возрождение казачества: история и современность: Материалы V Всероссийской (международной) конференции*, Новочеркасск, сс. 98–106. [Kislicyn, S. A. (1994) "'Decossakization" – Strategic Course of the Bolshevik Political Elite in the 20s" ["Raskazachivanie" – strategicheskij kurs bol'shevistckoj politicheskoi jelity v 20h gg.]] in: *Revival of the Cossaks: History and Modern Times: Materials of V Russian (International) Conference*, Novocherkassk, pp. 98–106. (In Russ.)].
- Рвачёва, О. В. (2010) 'Власть и казачество на юге России в конце XX – начале XXI в.: от конфронтации к сотрудничеству', *Власть*, 5, сс. 143–147. [Rvacheva, O. V. (2010) 'The Governemnt and the Cossacks in the South of Russia at the End of the 20th Century – the beginning of the 21st Century: from Confrontation to Cooperation' [Vlast' i kazachestvo na juge Rossii v konce XX – nachale XXI v.: ot konfrontacii k sotrudnichestvu'], *Vlast'*, 5, pp. 143–147. (In Russ.)].
- Самсонова, Н. Н. (2021) 'Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы', *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*, 3, сс. 69–77. [Samsonova, N. N. (2021) 'Coping Mechanisms for Historical Trauma: Main Research Approaches [Mekhanizmy preodoleniya prepyatstviy: osnovnyye issledovatel'skiye podkhody], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskije nauki*, 3, pp. 69–77. (In Russ.)].
- Чернопицкий, П. Г. (1996) 'Советская власть и казачество' в: *Проблемы возрождения казачества*. Ч. 2. Ростов-на-Дону: Издательство РГУ, сс. 84–88. [Chernopickij, P. G. (1996) 'Soviet Power and the Cossacks' [Sovetskaya vlast' i kazachestvo] in: *Issues of the Cossacks' Revival* [Problemy vozrozhdeniya kazachestva]. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo RGU, pp. 84–88 (In Russ.)].
- Felman, Sh., Laub, D. (1994) *Writing and Madness: Literature, Philosophy, Psychoanalysis*. Ithaca: Cornell University Press.
- Giesen, B. (2004) *Triumph and Trauma*. London: Paradigm Publishers.
- LaCapra, D (1999) 'Trauma, Absence, Loss', *Critical Inquiry*, 4, pp. 696–727.
- Merton, R. K. (1968) *Social Theory and Social Structure*. New York: The Free Press.

Mitscherlich, A., Mitscherlich, M. (1979) *The Inability to Mourn: Principles of Collective Behavior*. NYC: Grove Press.

Ruppert, F. (2008) *Trauma, Bonding and Family Constellations: Understanding and Healing Injuries of the Soul*. Trudoxhill: Green Balloon Publishing.

Sztompka, P. (2000) 'Cultural Trauma: The Other Face of Social Change', *European Journal of Social Theory*, 3(4), pp. 449–466.

Eyerman, R. (2013) 'Social Theory and Social Trauma', *Acta Sociologica*, 56(1), pp. 41–53.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2022

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 29.03.2023

Статья принята к печати: 06.04.2023

TRAUMA OF DECOSSACKIZATION IN THE COLLECTIVE MEMORY OF CULTURAL AND ETHNIC COMMUNITY

N. N. Samsonova

N. N. Samsonova, Graduate Student, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University.
E-mail: natalie.samsonova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-2716-8490).

Abstract

The article studies the features of reflection of a traumatic event in the collective memory of ethnocultural communities on the example of the consequences of the Bolshevik policy of decossackization. The conceptual foundations of the study are psychoanalytic and sociocultural approaches to the study of historical trauma as a social phenomenon, united by the collective memory of negative experiences as a source of trauma. The research is based on the materials of online communities dedicated to history, culture and revival of the Cossacks. The first stage of the study is devoted to the main elements of the traumatic narrative of decossackization (based on the model of J. Alexander). At the second stage of the study, the author, using a qualitative non-directional content analysis, names the main aspects of traumatic transformation of a collective identity of the ethno-cultural community. Society functions based on a rigid concept of the world with categorical value judgments, built on a highly conflict-prone "friend or foe" scheme. The traumatic event turns into an independent factor in the formation of a new collective identity to replace the lost one and mediates the creation of interpretations of the historical past. This trend amplifies the separation of the traumatized ethno-cultural group from the community.

Keywords: historical trauma; collective trauma; psychoanalyses; collective memory; trauma of cultural and ethnical communities; decossackization; chosen trauma

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University in the framework of the scientific project "Grant Competition of the Academic Council of the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University for Students, PhD Students, University Teachers and Researchers".